

Им помогают те, кто пишет и показывает.

Если им хочется умереть раньше других, кто помешает...

Дети тоже увлекаются смертью. Им еще не страшно.

"А женщины?.."

— Умнее... Их не развлекают драки, бокс, стрельба.

Дольше и живут.

Литература?

Старые напоминают высохших жуков. Молодые — однодневных бабочек.

Те и другие еще живы.

Будем ждать мамонта Федю.

В завершение...

Уверен, что все будет хорошо.

И именно это многим не понравится.

Маленький комментарий

Жанр автоинтервью достаточно редкий. Из русских писателей им единожды воспользовался Иван Алексеевич Бунин, написав шуточное автоинтервью, чтобы журналисты все не переврали, в 1947 году перед своим выступлением на литературном вечере. В советской прессе это автоинтервью опубликовал в журнале "Наука и жизнь" № 6, 1976 год, А. Бабореко. Для нас, одесситов, оно интересно еще и потому, что Бунин в нем по памяти воспроизвел строфу из стихотворения "Лошади простого звания" одесского поэта Анатолия Фиолетова, погибшего в годы гражданской войны.

Это автоинтервью И.А. Бунина мы перепечатаваем из Интернета, где помещены все произведения Бунина.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Иван БУНИН

У И.А. Бунина

Мы застали И. А. в его кабинете за письменным столом, в халате, в очках, с пером в руке...

— Bonjour, mattre (Добрый день, мэтр!). Маленькое интервью... в связи с вашим вечером 26 октября... Но мы, кажется, помешали, — вы пишите? Простите, пожалуйста...

И. А. притворяется сердитым:

— Мэтр, мэтр! Сам Анатоль Франс сердился на это слово: "Matre de quoi?". (Мэтр чего?) И когда меня называют мэтром, мне хочется сказать плохой каламбур: "Я уже так стар и будто бы знаменит, что пора меня называть "киломэтром". Но к делу. О чем вы хотите беседовать со мной?

— Прежде всего, о том, как вы поживаете, как ваше здоровье, чем порадуете нас на вечеру, что сейчас пишете?..

— Как поживаю! Горе только рака красит, говорит пословица. Знаете ли вы чьи-то чудные стихи:

Какое самообладание
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования!

Но где ж мне взять самообладания? Я лошадь не совсем простого звания, а главное, довольно старая, и потому трудности существования, которых, как вы знаете, у многих немало, а у меня особенно, переношу с некоторым отвращением и даже обидой: по моим летам и по тому, сколько я пахал на литературной "ниве", мог бы жить немного лучше. И уже давно не пишу ничего, кроме просьб господину сборщику налогов о рассрочке их для меня. Я и прежде почти ничего не писал в Париже, уезжал для этого на юг, а теперь куда и на какие средства поедешь? Вот и сижу в этой квартирке, в тесноте и уже если не в холоде, то в довольно неприятной прохладе.

— А можно узнать, что именно вы будете читать на своем вечере?

— Точно никогда не знаю чуть не до последней минуты. Выбор чтения на эстраде — дело трудное. Читая с эстрады даже что-нибудь прекрасное, но не "ударное", знаешь, что через четверть часа тебя уже не слушают, начинают думать о чем-нибудь своем, смотреть на твои ботинки под столом... Это не музыка, хотя был у меня однажды интересный разговор на эту тему с Рахманиновым. Я ему: "Вам хорошо — музыка даже на собак действует!". А он мне в ответ: "Да, Ванюша, больше всего на собак". Так вот все колеблешься: что читать, чтобы не думали о своем, не смотрели на ботинки? Я не червонец, чтобы всем нравиться, как говорил мой отец, я не честолюбив... Но я самолюбив и совестлив — заставлять людей скучать не люблю... Так что одно имею в виду для вечера: не заставлять скучать.

— А вы, И. А., очень волнуетесь, читая на своих вечерах? Ведь все на эстраде, на сцене волнуются...

— Еще бы! Я юношей видел в "Гамлете" знаменитого в ту пору на весь мир России и в антракте получил разрешение войти к нему в уборную: он

полулежал в кресле с обнаженной грудью, белый как полотно, весь в огромных каплях пота... Видел, тоже в уборной, знаменитого Ленского из московского Малого театра в совершенно таком же положении, как Росси... Видел за кулисами Ермолову — имел честь не раз выступить с ней на благотворительных литературных вечерах: если бы вы знали, что делалось с ней перед выходом! Руки трясутся, пьет то валериановые, то гофмэновские капли, поминутно крестится... Кстати сказать, читала она очень плохо — как почти все актеры и актрисы...

— Как! Ермолова!

— Да, да! Ермолова. Что до меня, то, представьте, я исключение: и за кулисами, и на эстраде спокоен. "Не нравится — не слушайте!" В молодости я на эстраде краснел, бормотал — больше всего от мысли, что ровно никому не нужно мое чтение, — и даже от какой-то злобы на публику. Совсем молодым я однажды был участником литературно-музыкального вечера в огромнейшем зале в Петербурге, и знаете, вместе с кем? Вы не поверите! С самим Мазини, который, хотя был уже далеко не молод, но был еще в великой славе и чудесно пел неаполитанские песни! И вот вылетел я на эстраду после него, — вы понимаете, что это такое: после него? — подбежал к самому краю эстрады, глянул — и уж совсем обмер: на шаг от меня сидит широкоплечий, с широким переломленным носом сам Витте и крокодил глядит на меня! Я забормотал как в бреду, облился горячим и холодным потом — и стрелой назад, за кулисы... А теперь я, пожалуй, не смутился бы даже под взглядом... ну, придумайте сами, под чьим взглядом...

